

Яна Груздева

Чертополох

Яна Груздева

Чертополох

<https://litres.ru/73821399>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь главной героини круто меняется, когда она становится жертвой древнего проклятия и превращается в вампира. Попав в тайный мир, где мистические существа учатся в особых школах и незаметно живут среди людей, она вынуждена заново искать своё место и привыкать к новым правилам.

В этом удивительном мире героиня находит настоящих друзей, с которыми её объединяет не только магия, но и общая цель — противостоять надвигающемуся злу. Вместе им предстоит раскрыть древние тайны и узнать о силе чертополоха — растения, способного защитить от самых тёмных чар.

«Чертополох» — это история о дружбе, смелости и о том, что даже в самом колючем растении может скрываться невероятная сила добра.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	25
Глава 7	33

Яна Груздева

Чертополох

Глава 1

Вечерняя осенняя улица тонула в мягком полумраке. Тёплый свет фонарей с трудом пробивался сквозь густую дымку тумана. В воздухе разлилась лёгкая прохлада, смешанная с запахами влажной земли, прелых листьев и свежести после недавнего дождя.

Анна шла по тротуару, осторожно ступая по самому краю луж, в которых, как в крошечных озёрах, плавали первые опавшие листья — багряные, золотые, оранжевые. Она старалась не промочить свои кеды, но мысли её были заняты другим: она вспоминала всё то, о чем только что болтала с подругой Машей. Может одноклассник наконец-то позовёт её на свидание? Анна робко улыбнулась собственным мыслям.

Деревья вдоль улицы казались чёрными, почти графитными силуэтами на фоне сиреневого неба, в котором уже загорались первые, ещё тусклые звёзды.

Анна была одна. Или нет?

Она невольно ускорила шаг. Вокруг царил тишина — только гул далёкого города едва доносился сюда, да её соб-

ственные шаги отдавались эхом в пустоте улицы. Внезапно это эхо сбилось, словно кто-то подстроился под её ритм. Сердце девочки пропустило удар. Она поняла: она здесь не одна.

Страх ледяной волной прокатился по позвоночнику. Анна оглянулась и увидела тёмный мужской силуэт — он шёл за ней след в след. Кто он? Что ему нужно? Девочка замерла. Мужчина остановился тоже. А потом начал двигаться — плавно, почти грациозно, словно в каком-то жутком танце.

Анна сорвалась с места и побежала, уже не разбирая дороги, наплевав на лужи и грязь. В висках стучала только одна мысль: *«Скорее домой, к маме, к братишке — туда, где тепло и безопасно».*

Вдруг горячая липкая ладонь резко сжала её плечо и с силой потянула назад. Анна вскрикнула, теряя равновесие. Удар о мокрый асфальт выбил из лёгких воздух. Лёжа в луже, чувствуя, как одежда мгновенно становится холодной и тяжёлой, она вдруг ощутила себя невероятно живой — от страха, от боли, от ужаса происходящего.

Она кричала, извивалась всем телом, пытаясь спихнуть с себя незнакомца, но всё было тщетно. Мужчина был нечеловечески силён. От него исходил удушливый смрад давно немытого тела, табака и чего-то приторно-сладкого, похожего на гниющие фрукты. Одной рукой он вдавил её грудную клетку в асфальт, а другой грубо схватил за волосы, рывком запрокидывая голову и обнажая шею. Сквозь кожу беш-

но пульсировала сонная артерия, отбивая панический ритм сердца — туда-то и устремился его безумный взгляд.

Анна почувствовала его дыхание - горячее, влажное - на своей коже. И тут же острую боль - он укусил её. С отвратительным булькающим звуком он начал высасывать кровь. Её крик оборвался, захлебнувшись отчаянием. Пальцы свело судорогой, они разжались, и Анна перестала их чувствовать, словно проваливаясь в глубокий обморок. Голова кружилась, желудок скрутило тошнотой, а в ушах нарастал невыносимый звон.

Мужчина что-то сказал, но его слова утонули в этом гуле. Сквозь пелену боли и животного ужаса Анна увидела, как он резко рванул рукав и впился зубами в собственное запястье. Густая тёмная кровь закапала на мокрый асфальт, чуть дымясь. Он грубо схватил девочку за подбородок и поднёс окровавленную руку к её губам.

Сопротивляться уже не было сил.

— Пей, родная... пей... — его хриплый голос разрезал вечернюю тишину.

Заставив её испить чёрной как смоль крови, резко пахнущей железом и чем-то древним, мужчина встал. Анна всё ещё не могла пошевелиться. Он оставил её там — оставил, позволяя медленно угаснуть человеческой жизни.

Чтобы родилась бессмертная.

Дитя ночи.

Вампир.

Глава 2

Очнувшись, Анна не сразу поняла, где находится и что произошло. Мир плыл перед глазами, словно размытая акварель, а в ушах стоял монотонный, давящий гул. Во рту ощущался металлический привкус — солёный, тревожный. Она лежала на чём-то холодном и мокрому. Ледяная вода пропитала одежду насквозь, пробирая до самых костей, а шершавый асфальт царапал кожу сквозь тонкую ткань.

Пальцы, погружённые в мутную, пахнущую ржавчиной жижу, дрожали и отказывались слушаться. Анна попыталась опереться на руку, чтобы встать, но ладонь предательски соскользнула, и она снова едва не рухнула лицом в лужу. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь бешеным ритмом в висках. Шею саднило, будто по ней провели наждачной бумагой. Собрав последние силы, опираясь на колено, она рывком поднялась на ноги и тут же пошатнулась, потеряв равновесие. Вода ручьями стекала с рукавов тяжёлой куртки, собираясь в мутную лужу у её ног.

Постепенно зрение прояснилось. Сквозь пелену дождя или слёз она увидела своё размытое отражение. Бледное, почти белое лицо с заострившимися чертами, спутанные пряди волос, прилипшие к щекам, и тёмные круги под глазами. Но самое страшное — это были кровавые подтёки вокруг рта, похожие на жуткую клоунскую улыбку. Трясущейся ру-

кой Анна провела по лицу, стирая кровь и грязную воду. Она сделала первый неуверенный шаг прочь от этого места, чувствуя, как каждый удар сердца отдаётся болью во всём теле.

Софья Николаевна взглянула на часы. Было без четверти десять. Анна должна была вернуться к восьми. Телефон дочери молчал — ни звонка, ни сообщения. Раньше такого не случалось. Даже если она задерживалась с подругами, всегда находила минутку написать матери пару слов.

Их отношения никогда не были простыми. Это была бесконечная череда «эмоциональных качелей»: ссоры из-за невымытой посуды или позднего прихода домой были лишь верхушкой айсберга. За ними скрывались более глубокие страхи — страх матери потерять связь с повзрослевшим ребёнком и страх дочери быть непонятой.

С рождением Матвея полгода назад всё только усугубилось. Анна чувствовала себя забытой. Мать, раньше принадлежавшая ей одной, теперь полностью погрузилась в мир пелёнок и бессонных ночей. Ревность жгла изнутри: когда Софья щебетала над беззубым карапузом, Анна выслушивала упрёки по поводу учёбы. Отношения напоминали воздушный шарик с гелием: пока мать пыталась удержать его на земле, ухватившись за тонкую ниточку контроля, дочь словно специально пыталась эту ниточку перерезать. Шарик всё выше поднимался в холодное небо, унося тепло былой близости в небытие.

Ровно в полночь тишину квартиры разорвал резкий стук

в дверь. Софья Николаевна вздрогнула. Мысленно приготовившись читать морали о безответственности, она рывком распахнула дверь — и ошеломлённо попятилась. На пороге стояла измученная, промокшая до нитки девочка, в которой она с трудом узнала родную дочь. Страх сковал горло женщины, когда она заметила тёмные струйки крови на лице, шее и светлой куртке Анны. Но самым странным был взгляд дочери. Она смотрела куда-то в бок, словно избегая прямого зрительного контакта, будто боялась увидеть собственное отражение в глазах матери.

— Что случилось? — голос Софьи Николаевны дрогнул.

— Я... не могу вспомнить... Вроде упала... — голос подростка был хриплым и чужим, напоминая скрежет металла по стеклу. — Можно войти?

Пропустив этот глупый вопрос мимо ушей, мать втянула дочь в дом, на ходу осматривая её с головы до ног. Ни одной видимой царапины или раны. Тогда откуда вся эта кровь?

Отправив Анну в ванную комнату и поставив чайник кипятиться, Софья заглянула в детскую. Младший сын крепко спал в своей кроватке, подложив пухлую ладошку под розовую щёчку. На миг умилившись этой картине, женщина вдруг осознала: из ванной больше не доносился звук льющейся воды. Значит, Анна уже готова к разговору. Необходимо узнать подробности её «падения».

Всё ещё находясь в детской комнате, Софья Николаевна боковым зрением заметила движение. Медленно поворачи-

валась ручка двери. Она не чувствовала опасности для себя и сына — это же её дочь! Внезапно дверь с оглушительным грохотом распахнулась о стену. Анна стояла на пороге детской. Она была лишь в одном полотенце, которое едва прикрывало тело. Мокрые волосы цвета горького шоколада прилипли к бледным ключицам и щекам. Но её взгляд... Он был абсолютно диким и бесчеловечным. Вокруг радужки глаза полопались сосуды, заливая белок красным.

«Наркотики», — изумлённо и обречённо подумала Софья Николаевна. Матвей проснулся от грохота и тут же огласил комнату испуганным плачем. Инстинктивно закрыв собой плачущего ребёнка, мать встала живым щитом перед своим первенцем. Анна сделала шаг вперёд. Её босые ноги оставляли мокрые следы на паркете.

— Кажется... Я голодна... — это были последние слова дочери при жизни, которые услышала Софья Николаевна.

В следующее мгновение взгляд Анны изменился окончательно: зрачки сузились до вертикальных щёлок, а из-под верхней губы блеснули острые клыки. Мир для Софьи Николаевны сузился до размеров детской кроватки и существа перед ней, которое больше не было её дочерью.

Глава 3

— Анна? — голос Софьи Николаевны дрогнул. Она шагнула вперёд, протягивая руку.

— Милая, что с тобой?

Девочка резко вскинула голову. Её губы дрогнули в подобии улыбки. Глаза с узкими зрачками и красным блеском метались между орущим младенцем и испуганной матерью. В следующее мгновение она метнулась вперёд с проворством дикой кошки. Мать едва успела отшатнуться. В тот же миг в дверном проёме показались трое. Их лица были скрыты в тени капюшонов.

— Быстрее! — звучно произнёс тот, что стоял посередине.

Двое других подхватили брыкающуюся Анну на руки. Девочка шипела и царапалась, пытаясь дотянуться до матери, но хватка незнакомцев была мёртвой.

— Кто вы? Что вы делаете? — крикнула Софья Николаевна, бросаясь следом.

— Спасаем её от неё самой. — жёстко бросил «главный» через плечо.

Они исчезли так же быстро, как и появились, унося дочь, которую было невозможно узнать. В этом подростке не осталось ничего от той девочки, что только сегодня утром обнимала и целовала мать. Сейчас она отчаянно пыталась вы-

рваться и впиться в шею той самой мамы.

Софья Николаевна на долю секунды отвлеклась на плачущего Матвея, а когда вновь подняла взгляд — незнакомцев и Анны уже не было ни в комнате, ни во всём доме. Лишь почувствовав себя в надёжных и тёплых руках матери, малыш успокоился и принялся причмокивать свой кулачок. Софья Николаевна осталась в звенящей тишине опустевшего дома.

Где-то вдалеке засвистел чайник.

Что Вы знаете о чертополохе?

На окраинах дорог и пустырях часто можно встретить чертополох — колючий куст с яркими фиолетовыми цветами. Его называли репейником, дедовником (в честь Перуна), татарником. Травники собирали его в конце лета — начале осени.

Чертополох считался универсальным талисманом от сглаза, порчи и злых духов. Им хлестали одержимых, чтобы изгнать бесов, а рубаха из его волокон помогала жертвам чёрной магии. Считалось, что чертополох растёт там, где скопилась негативная энергия, и его высаживали на могилах грешников для защиты от вредоносных призраков.

В нашей истории чертополох — не просто оберег, а мощнейший ингредиент для создания антирабической вакцины. Это средство способно остановить превращение человека в бешеную нежить, сохранив при этом его разум и чувства. Да, человек перестаёт быть прежним, но не теряет себя полно-

стью: он остаётся способным мыслить, любить, помнить.

Чертополох в этом мире — редкое и почти мифическое растение, встречающееся только на границе между мирами живых и мёртвых. Его колючки — символ защиты, а корни — связь с древней магией. Издавна знахари и алхимики пытались создать из него лекарство, но только в последние годы удалось выделить экстракт, способный противостоять вирусу бешенства нежити.

Чертополох стал символом не только защиты, но и надежды: даже если ты изменился, даже если мир вокруг стал другим — в тебе всегда остаётся место для человечности. И пока горит этот внутренний огонь, никакая тьма не сможет победить.

Глава 4

— Мы вкололи сразу четыре ампулы...

Голоса доносились словно сквозь толщу воды, расплываясь и отдаляясь.

— Неужто так много? — в старческом женском голосе слышалось искреннее недоумение.

— Она была слишком дикой, — этот, более молодой и резкий, звучал устало. — Поцарапала мне лицо, — мрачно добавил он.

— Бедное невинное дитя... — вздохнула старушка.

Сознание Анны путалось.

Обрывки воспоминаний вспыхивали и гасли.

Вот она уходит из дома...

— Третье нападение за полгода... — голос был сухим и деловитым.

Она целует на прощание уставшую маму и улыбающегося братика...

— Она хотя бы выжила... — голос был полон материнской жалости.

Болтает с подружкой, забыв обещание прийти пораньше и помочь маме с малышом...

— Кто будет опекуном? А школа?...

Попадает под дождь и торопится домой...

— А фамильяр? Будет ли у неё фамильяр? Может, он уже здесь...

На неё нападает сумасшедший и кусает за шею...

— Если есть фамильяр, то зачем опекун? Как давно у нас не было переродков..

— Чай лет двести... — Этот голос отличался от двух предыдущих.

И вот оно. Её собственное безумие. Она вспомнила, как была привлекательна пухлая детская ручка. Как ей хотелось впиться в неё зубами. Но она знала: мать помешает наслаждаться нежной кровью младенца. Поэтому она напала на мать первой.

Глаза распахнулись. Анна лежала в полумраке комнаты. Здесь пахло лавандой и старой бумагой. Стены были обшиты тёмным деревом, а единственное окно занавешено тяжёлым бархатом. Рядом никого не было видно, но голоса звучали чётко, словно люди находились здесь же.

Приподнявшись на локтях, она начала рассматривать свою одежду. Её переодели: на ногах — плотные чёрные леггинсы и тёплые шерстяные носки (явно не её размера), поверх простой белой майки — чужая фланелевая рубашка в клетку. Анна смутилась. Её одевали незнакомцы. А она их царапала? Волосы всё ещё были влажными и пахли её домашним шампунем с ароматом ванили. К горлу подступил комок. Почувствовав внезапную слабость, девочка откинулась обратно на подушку.

По потолку медленно текли тени от проезжавших мимо машин. Вдруг одна из них отделилась от потолка, скользнула по стене и материализовалась в маленького человечка ростом не больше метра. Он не отбрасывал тени сам по себе. Его силуэт прятался в темноте, но девочка разглядела длинный голый хвост с кисточкой на конце и острые уши, торчащие вверх и чуть в стороны. Глаза существа светились в полумраке двумя янтарными огоньками.

— Здравствуй, Анна, — голос напоминал мягкое кошачье мурлыканье с нотками довольного урчания. Существо сделало шаг вперёд, выходя из тени в полосу лунного света. У него была короткая шерсть цвета мокрого асфальта и человеческие руки с тонкими пальцами.

Она вздрогнула.

Глава 5

Дверь со скрипом отворилась, впуская в комнату порыв прохладного воздуха. Вошли двое. Первой семенила старушка — невысокого роста, в уютном, но слегка помятом махровом халате. Её серебристые кудряшки выбились из-под белого чепца, сбившегося набок от быстрой ходьбы. Следом за ней шагал высокий мужчина, чья фигура, казалось, была вырезана из старого дуба. Он то и дело потирал щёку, на которой атели четыре глубокие царапины.

Анна уже пришла в себя. Она сидела в углу дивана, подтянув колени к груди и обхватив их руками так крепко, что побелели костяшки пальцев. Её взгляд был прикован к креслу, где вольготно развалилось существо, в котором причудливо смешались кошачья грация и чертовское озорство.

— Он уже здесь? — грубовато поинтересовался мужчина, не утруждая себя приветствием.

Анна медленно кивнула.

— Они меня не видят, бедолаги, — промурлыкало существо, обращаясь к девочке. Он поиграл когтистыми пальчиками у своей мордочки. — Только тебе довелось лицезреть такую красоту...

— Наверное, он что-то тебе говорит? — мягко спросила старушка. В её интонации не было ни капли страха или удивления.

— И не слышат, — получёрт-полукот подмигнул Анне и хихикнул, выпустив колечко дыма. — Глухие тетери!

— Да... — глухо произнесла девочка.

— Бедное дитя в замешательстве... Помолчи пока что, — мягко попросила пожилая дама, глядя в пустое для неё кресло. В ответ существо лишь сморщил свой пяточок-нос в улыбке, но замолчал, хотя хвост продолжал нервно подрагивать, выбивая дробь по обивке кресла.

— Мы не обидим тебя... — начала было она.

— Да, — резко перебил её мужчина с царапинами. Его голос прозвучал как удар хлыста: твёрдо и немного устало. — Теперь ты побудешь здесь пару дней. Привыкнешь к тому, что домой не вернёшься. Это дом нашей милой целительницы Агафьи Семёновны. — он указал на старушку. — Она любезно согласилась приютить тебя. Я местный... как у вас? Полицейский. Страж по-нашему. Алексей Владимирович.

Он протянул огромную ладонь девочке. Анна заметила на ней тонкие зелёные прожилки лишайника, вжившиеся в кожу. Приглядевшись к его лицу внимательнее, она увидела болотного цвета волосы, зачёсанные налево в тщетной попытке скрыть растрёпанный вид, и холодные пронзительно-зелёные глаза, которые упорно избегали прямого контакта с её взглядом. И, конечно же, она увидела на его щеке глубокие борозды от своих ногтей.

Внутри Анны вспыхнула искра злости и стыда одновременно.

— Извините, — буркнула она, показывая пальцем на его лицо и не подавая руки в ответ...

Алексей Владимирович нахмурился, царапины на щеке стали заметнее. — Такая у меня работа. Получёртик фыркнул с кресла: — Это леший! С ним поуважительнее веди себя! А то он такой обидчивый...

Анна нехотя вытянула руку для рукопожатия. К её удивлению, ладонь лешего оказалась тёплой и сухой. Когда их руки соприкоснулись, он невольно улыбнулся — уголком губ, но этого хватило, чтобы его суровое лицо стало казаться на пару лет моложе и человечнее.

— Ну что ж... вот мы и познакомились. А это существо — фамилляр. — Агафья Семёновна указала на кресло, где был полукот-получёрт.

В тот же миг он с хохотом превратился в клубок чёрного дыма и тут же материализовался на диване рядом с Анной, свернувшись калачиком у её ног.

— Он пришёл к тебе сам, как приходят воображаемые друзья к маленьким людским детям. К нашим нечистым деткам приходят фамилляры. Они нужны для защиты и обучения. Когда приходит время, они уходят. Навсегда.

— Эй, я не воображаемый! — лениво протянул фамилляр, потягиваясь и показывая острые коготки, которые на мгновение сверкнули металлическим блеском.

— Что же со мной происходит? — Анна всё ещё чувствовала слабость; боль на шее пульсировала в такт ударам серд-

ца. Громкие звуки резали слух, а запахи стали слишком резкими — она различала даже аромат воска от давно не обновлённых свечей и едва уловимый запах сырости от одежды лешего. К тому же она чётко слышала, как где-то внизу кто-то подпевал песням по радио, фальшиво выводя мелодию, и как скребётся мышь за стеной.

Агафья Семёновна тяжело вздохнула и присела на край дивана, отчего пружины жалобно скрипнули.

— Деточка моя... Вчера вечером на тебя напал вампир. Он провёл древний обряд превращения...

Леший подошёл ближе и присел на корточки перед девочкой так, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Этот метод не использовали сотни лет. Мы давно научились размножаться с помощью науки... Теперь ты одна из нас, хотя многие с этим не согласятся. Ты так называемый переродок...

Он говорил медленно и веско:

— В момент обращения ты себя не контролировала и могла навредить людям, даже убить родных. Мы ввели тебе вакцину от бешенства, основанную на экстракте чертополоха. Но только от бешенства.

Его голос стал совсем тихим:

— Ты навсегда останешься вампиром.

Фамильяр у её ног недоверчиво хмыкнул над последней фразой.

— Есть лекарство от... вампиризма? — спросила Анна,

обращаясь к нему и не веря всему происходящему.

— Пошепчемся позже, — буркнул он.

Колдунья подала голос:

— Детка, мне очень жаль. Такого лекарства не существует. Ты научишься жить в этом мире. У нас есть специальная школа, есть учителя.

Леший кивнул:

— К тому же тебе явился фамильяр.

— Что с моей мамой и братом? — голос Анны дрогнул.

Воспоминания о доме были обрывочными.

— С ней всё в порядке, — ответил леший. — Туда направились наши... специалисты. Они дали ей зелье забвения. Брату оно не понадобится, он слишком мал. Он не вспомнит тебя и без него. Вещи и фото сожгли.

Анна почувствовала острую боль от этих слов.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Фамильяр сочувственно ткнулся мокрым носом ей в ладонь.

Вдруг снизу донёсся густой аромат жареного мяса с луком и специями. Запах был настолько сильным и аппетитным, что у Анны невольно заурчало в животе — это был новый голод, не похожий на человеческий.

Агафья Семёновна подняла голову и принялась.

— Ох ты ж! Кажется, ужин готов! Алексей Владимирович, вы составите нам компанию? Леший потёр живот широкой ладонью и впервые за весь разговор позволил себе широкую улыбку:

— От такого угощения грех отказываться! Тем более после стольких царапин! - Он шутливо показал на своё лицо.

Старушка засуетилась:

— Анна, милая! Ты наверняка голодна! Пойдёмте вниз! Там тепло от печи... И мы сможем поговорить обо всём спокойно за ужином и сладким чаем! Быть может у меня найдётся бутылочка вина...

Внезапно они услышали пронзительный звук дверного звонка, заставившего всех вздрогнуть. В воздухе повисло напряжённое ожидание.

— Кажется, у нас ещё один гость, — с явным сомнением и тревогой в голосе протянула Агафья Семёновна, поправляя съехавший чепчик.

Снизу, из тёмного холла, стали доноситься шаги — лёгкие, почти невесомые, но при этом удивительно бодрые и даже весёлые. Каждый шаг отдавался гулким эхом в старинных стенах. Все присутствующие замерли, ожидая появления незнакомца.

— Возможно, это опекун Анны? — нарушил тишину скрипучий голос лешего.

— Возможно... — всё так же неуверенно и тихо ответила целительница, не сводя глаз с двери.

В следующий миг тяжёлая дубовая дверь отворилась. На пороге, в ореоле тусклого света, стоял он — её давно почивший отец.

Анна оцепенела на секунду, а затем из её груди вырвался

отчаянный, полный ужаса и неверия крик.

Глава 6

Отец Анны ушёл из жизни десять лет назад. Она почти не помнила его — только по немного выцветшим фотографиям, что стояли в рамках на полке, и по тёплым, но всё реже звучащим рассказам матери. Софья Николаевна долгие годы хранила светлую память о нём, не впуская в свою жизнь и в жизнь дочери других мужчин. Она окружала Анну такой заботой и любовью, что девочка почти не замечала, что растёт без отца.

Однажды вечером Софья Николаевна вернулась с работы не одна — в руках у неё был букет цветов, а на лице — незнакомая, смущённая улыбка. Тогда Анна впервые почувствовала: их привычный мир вот-вот изменится. Так и случилось. Но вместо ожидаемого мужчины дома появился крохотный живой свёрток — её младший брат.

С тех пор отчима у Анны так и не появилось. Она росла без мужского примера, не зная ни отцовской строгости, ни его поддержки.

И вот теперь отец стоял перед ней — живой, настоящий, словно сошедший с пожелтевшей фотографии. Время будто не коснулось его: те же черты лица, тот же взгляд.

Услышав вопль девочки, Леший решил, что незнакомец представляет угрозу и с рычанием бросился на него. Грубо схватив гостя за шиворот, он прижал его к стене, локтем упе-

ревшись в шею.

— Что вы, что вы... Это ведь шутка! — пропыхтел мужчина сквозь выступившие от неожиданности слёзы.

Он провёл ладонью по лицу, словно снимая невидимую маску. И Анна увидела: перед ними стоял молодой парень, чуть старше её самой. Тёмные волосы торчали в разные стороны, огромные уши забавно заострились кверху, а в карих глазах плясали озорные искорки. Всё его лицо было усыпано веснушками — казалось, их было больше, чем звёзд на небе.

Анна с облегчением выдохнула. Незнакомец ей неожиданно понравился.

— Гном?.. — прорычал Алексей Владимирович, нехотя убирая локоть с шеи парня и отступая на шаг, словно ожидая подвоха.

— Приветствую вас, — негромко произнёс незнакомец, его голос дрожал, а щёки залились румянцем. Он смущённо переступил с ноги на ногу, не решаясь поднять взгляд.

— Меня послали как опекуна к новообращённому вампиру, — пробормотал он, по-прежнему глядя в пол. — Я не знал, что это... девчонка.

— Почему ты выглядел как мой папа? — выпалила Анна, сама от себя не ожидая. Вопрос вырвался сам собой, словно стрела, сорвавшаяся с тетивы.

Парень вздрогнул и наконец поднял на неё свои огромные, виноватые глаза.

— Я выбрал внешность случайно. Я не знал, что вы род-

ственники. Это было фото в газете... — его голос стал совсем тихим, почти шёпотом.

— А статью ты прочитать не догадался? — вдруг рассердилась Агафья Семёновна. Её лицо перекошилось от негодования. — Наверняка там было указано, что отца Анны нет в живых! Девочка и так напугана всем происходящим, а тут ещё ты со своими фокусами!

— Нет... — обречённо вздохнул гость, плечи его поникли. — Меня зовут Микки.

— Маус! — презрительно фыркнул фамилляр откуда-то из угла. Он явно был недоволен новым гостем. Его хвост метался из стороны в сторону, как маятник, а уши были наостроены так, что, казалось, вот-вот задымятся.

Анна невольно улыбнулась, глядя на его демонстративное недовольство. А Микки, решив по наивности, что эта робкая улыбка предназначалась именно ему, тут же просиял в ответ. Он шагнул вперёд и, стараясь придать себе важности, поклонился ей.

— Я прислан к тебе из школы. Как опекун. Ты — мой первый подопечный! — объявил он с плохо скрываемой гордостью.

Но его улыбка медленно таяла, когда он понял, что Анна улыбалась вовсе не ему.

— Пройдёмте все к ужину - бросив недобрый взгляд на парня, проговорила пожилая целительница.

Все спустились вниз, в просторную и уютную комнату, где

уже был накрыт ужин. В центре стоял массивный деревянный стол, покрытый белоснежной скатертью, на которой дымились тарелки с картошкой, грибами и свежими овощами. В углу потрескивал камин, отбрасывая теплые блики на старинные фотографии в резных рамках, а на полках буфета поблескивали фарфоровые чашки и серебряные ложки. Воздух был наполнен ароматом свежей выпечки и травяного чая.

Анна, едва держась на ногах после долгого сна, медленно вошла в комнату. Тело плохо слушалось её, шею саднило, но мучительная жажда и багровая пелена перед глазами, терзавшие её накануне, наконец поутихли.

— А вот и Анна! — воскликнул чей-то смутно знакомый голос.

Он был сухим и деловитым, без тени эмоций. Она уже слышала его в этом доме, когда просыпалась ото сна.

— Спасибо вам за ужин, дедушко-соседушко, — ласково произнесла Агафья Семёновна, обращаясь к невидимому собеседнику.

— Чай, не чужие мы друг другу... - ответил кто-то. Ведунья вдруг залилась румянцем и опустила глаза.

— Это домовой, — шепнул фамилляр Анне, показывая на накрытый стол. — Я его тоже не вижу. А старушка-то не промах... — протянул он, с любопытством глядя на Агафью Семёновну.

— Ну что же вы, что же... — засуетилась хозяйка, приглашая всех к столу. Яркий румянец постепенно покидал её ли-

цо, уступая место привычной строгости.

— Так Анна попала в газету? — с едва заметной усмешкой поинтересовался Алексей Владимирович, когда все наконец расселись вокруг стола.

— Да, ведь это большая новость для всего нашего мира. Ещё раз извини, — Микки виновато поёрзал на стуле, избегая смотреть ей в глаза.

— Этого следовало ожидать... Добрая слава лежит, а худая бежит, — мудро заметила Агафья Семёновна, поправляя кружевную салфетку на коленях.

Перед Анной на старинном фарфоровом блюде лежал почти сырой кусок мяса, сочащийся тёмной кровью и нарезанный аппетитными, но неаккуратными ломтиками. Рядом стоял высокий хрустальный бокал, наполненный густой красной жидкостью, которая зловеще поблёскивала в свете канделябров.

— Я взял на себя смелость приготовить это специально для тебя, дорогуша, — проскрипел сухой, как старая бумага, голос. Он прозвучал совсем рядом, словно исходил прямо из воздуха. Домовой.

— Поблагодари, — едва слышно шепнул фамилляр, ткнувшись холодным носом в её руку. — И не дёргайся, в бокале совсем не то, что ты думаешь. Там томатный сок, — фыркнул он.

— С-спасибо, дедушка Домовой, — выдавила из себя девочка, вдруг ощутив голод.

Домовой довольно захихикал. Напряжение, висевшее в воздухе, немного спало.

— Кажется, сегодня Агафью Семёновну ждёт тёплая постель и грелка в ногах! — громко захохотал получертик, подмигивая Анне.

Анна не выдержала и прыснула прямо в тарелку, стараясь скрыть смех за кашлем.

— А кто твой фамильяр? — с искренним любопытством спросил гном, удивлённый её непосредственным поведением. Он даже подался вперёд, опираясь локтями на стол.

Анна запнулась, подбирая слова, и с опаской покосилась на своего фамильяра.

— Он... он похож на кошку... и на чёрта, — наконец выдохнула она.

Агафья Семёновна, до этого момента мирно попивавшая чай, отставила чашку. Её глаза, обычно спокойные, сейчас блестели любопытством.

— О, значит, это бес, — с уважением протянула она. — Не самый простой и покладистый из всех существ. С характером.

Фамильяр, до этого момента делавший вид, что его не касается, довольно ухмыльнулся, обнажив ряд мелких острых зубов, и демонстративно потянулся, выгибая спину дугой.

— А кто ещё может быть фамильяром? — спросила девочка. В полумраке комнаты, освещённой лишь тусклым светом догорающих свечей, разговор становился всё инте-

реснее.

— У меня была змея, — тепло улыбнулась Агафья Семёновна, погружаясь в воспоминания. — Мы с ней столько времени провели вместе... Жаль было прощаться. Она была очень мудрой.

— А у меня была жаба, — проскрипел из своего угла Алексей Владимирович. Он мрачно поправил воротник и добавил: — Время с ней я вспоминаю с содроганием. Вечно квакала не по делу.

Микки важно откашлялся, привлекая к себе внимание. Он любил выступать в роли наставника.

— Это может быть змея, сова, кошка, ворон или вот такой вот бес... — начал он менторским тоном.

— И жаба! — всё так же мрачно и скрипуче бросил леший, не дав ему закончить.

— Тебе необходимо узнать его имя, — снова взяла слово целительница, её голос стал серьёзным и строгим. Она вытерла крошки с губ. — Только так ты сможешь им управлять. Обычно они дают подсказки или задают загадки. Это своего рода испытание.

Анна перевела взгляд на своего спутника. Тот уже не ухмылялся, а внимательно смотрел на неё своими жёлтыми глазами.

— А что если... не управлять? — тихо спросила она.

Агафья Семёновна от такого предположения подавилась булочкой и закашлялась так сильно, что ей пришлось посту-

чать по спине. Когда она отдышалась, её возмущению не было предела.

— Тогда бес будет управлять тобой! — воскликнула она так громко, что пламя свечей колыхнулось. — Это неправильно! Это совершенно не для леди!

Фамильяр же на эту тираду лишь широко зевнул во всю пасть, демонстрируя розовое нёбо и внушительные клыки, после чего бесцеремонно запрыгнул к Анне на колени и свернулся клубком, словно обычный домашний кот.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием фитилей. Свечи догорели почти до половины, а от ужина остались лишь крошки на скатерти. Алексей Владимирович оглядел собравшихся и хлопнул ладонью по столу.

— Итак! — его голос разорвал тишину. — Эта вакцина...

Глава 7

Алексей Владимирович обвёл собравшихся тяжёлым, пронизывающим взглядом и с силой опустил ладонь на массивный дубовый стол. Тишина, повисшая в комнате, казалась почти осязаемой.

— Итак! — его голос, низкий, скрипучий и властный, разорвал гнетущее молчание.

— Эта вакцина... Но для начала, я полагаю, нам стоит разобраться в терминах? — он перевёл взгляд на Агафью Семёновну, которая сидела, словно древняя королева на троне.

Та медленно кивнула, и пламя свечей на столе затрепетало, будто откликаясь на её движение. Её голос, бархатный и густой, как патока, заполнил пространство, заставляя тени в углах комнаты танцевать.

— Граница между явью и навью, дитя моё, — она обратилась к Анне, — всегда была тонкой, как первый осенний лёд. Все сказки, что ты знаешь, выросли не из пустоты. Это отголоски реальных историй, которые веками передавались из уст в уста у каждого очага. Нечисть — это не суеверие для глупых крестьян. Это целый пласт потусторонних существ, которых мы зовём «нечистой силой». В каждой деревне жили свои поверья: домовой — хранитель дома, леший — хозяин леса, водяной — владыка рек. Люди не просто верили в них, они с ними считались. Не задобришь до-

мового — жди пропаж и ссор; не уважишь лешего — заплутаешь в трёх соснах; а водяной мог и утопить, и рыбу в сети нагнать. Наши миры были переплетены. Но время шло... Люди ослепли. Их разум искал простые ответы: беспорядок в доме вместо шалостей домового, невнимательность вместо проделок лешего. Они забыли о нас. Но мы никуда не исчезли... В основе происхождения нечисти лежит перерождение души. Дух человека, не нашедший покоя или связанный со стихией — водой, лесом, домом, — трансформируется. Он становится русалкой в омуте или хранителем очага.

Алексей Владимирович криво усмехнулся, его пальцы с прожилками лишайника выбили нервную дробь по столешнице.

— С научной точки зрения, мы все носим в себе генетическую предрасположенность к такому перерождению. Это скрытая мутация, спящий механизм. Природа мудра: если бы он срабатывал у всех подряд, мир утонул бы в хаосе. Лишь единицы проходят через трансформацию.

Агафья Семёновна поджала губы и продолжила:

— А вот нежить — это совсем другое дело. Это приобретённое состояние, дитя. Проклятие или инфекция.оборотни — яркий пример. Они живут стаями, у них рождаются волчата, но «болезнь» передаётся по наследству или через укус. Вампиры, колдуньи... Заражение происходит через кровь или прямой контакт с носителем некротической энергии. Так ты и заразилась.

Она сделала паузу, давая Анне осмыслить услышанное.

— К счастью, у нас есть способ борьбы на ранних стадиях.

Вакцина на основе экстракта чертополоха блокирует развитие бешенства. Именно ею мы прививаем волчат и новорождённых вампиров.

Алексей Владимирович выпрямился во весь свой немалый рост.

— Эта вакцина... Она разработана относительно недавно по нашим меркам. В тысяча пятьсот сорок шестом году итальянский врач-ведун написал трактат о контагии — материальных частицах болезни. Наши знахари разгадали механизм «нечистого бешенства», а алхимики вывели формулу лекарства. Чертополох и по сей день остаётся единственным действенным средством.

— Мы начали вакцинацию с самых... кровожадных особей. Через десятилетие был заключён Пакт о необращении. Всё было урегулировано. Люди всё ещё знали о нашем существовании, но предпочитали делать вид, что нас нет.

— Хаха! А как же ведьмы? Последнюю ведьму обезглавили в тысяча семьсот семьдесят втором! — проговорил фамильяр. Голос его слышали только уши девочки.

Существо нетерпеливо заёрзало и яростно зашевелило хвостом:

— Скажи им! Скажи!

Анна сглотнула и подняла глаза на взрослых.

— Он говорит про последнюю ведьму...Алексей Владими-

рович вздохнул и переглянулся с Агафьей Семёновной.

— Ах да... Эмма Хёльди (имя изменено, прим. автора). Из Швейцарии. Бедняжка, — вздохнула старушка так буднично, будто речь шла о соседке по даче. — Мы переписывались. Я предупредила её, но очень уж она хотела убить своих детишек...

У девочки перехватило дыхание.

— Сколько же вам лет? — вырвалось у ошеломлённой Анны.

Агафья Семёновна задохнулась от возмущения так театрально, что Алексей Владимирович едва сдержал улыбку.

— У женщин не принято спрашивать возраст! — отрезала она.

Фамильяр у ног Анны был в полном восторге. Он подпрыгнул на месте, издав звук, похожий на кошачье мурлыканье и смех одновременно.

Микки, до этого хранивший молчание и внимательно вслушивающийся в каждое слово, наконец нарушил тишину. Его голос прозвучал глухо, но твёрдо:

— Кто же этот напавший? Какая у него была цель? — Он не сводил пристального взгляда с Алексея Владимировича, словно пытаясь прочесть ответ в его глазах. — Возможно, Анна могла бы описать его внешность? Хоть что-то... Хоть какую-то деталь.

Алексей Владимирович нахмурился, и по его лицу пробежала тень недовольства.

— Наверяд ли ты что-то помнишь, верно? — произнёс он. В его голосе слышалась не столько забота, сколько усталость.

— Я... я помню только, что он был очень сильный, — проговорила девочка едва слышно, сжимая в пальцах край рубашки. — И от него дурно пахло...

В комнате повисла гнетущая пауза. Её нарушила Агафья Семёновна. Она тяжело вздохнула, и этот звук был полон вековой печали.

— Это мог быть любой, кто живёт по старым правилам, кто нарушает закон. Таких не мало бродит по окраинам, — сказала она грустно, покачав головой. — Они не признают новых порядков.

Микки нервно провёл рукой по волосам, вспоминая что-то важное.

— В той газете, где я нашёл внешность для своей шутки... — начал он, и его голос дрогнул от осознания собственной глупости. — Там было несколько фотографий и статей. Там были фотографии парней. Поэтому я и решил, что мой подопечный будет кем-то другим... Совсем другим.

Алексей Владимирович мрачно кивнул, подтверждая его слова. Эта тема была ему явно неприятна, как и Микки. Он скрестил руки на груди, словно пытаясь защититься от тяжёлых воспоминаний.

— Да. Нападения не редкость, — произнёс он сухо и отрывисто. — Все предыдущие жертвы погибли. Ни одного выжившего до Анны.

В голове у Анны всё смешалось в один сплошной, пугающий гул. Кровожадные вампиры, колдуньи, убивающие собственных детей, стражи-лешие, стерегущие границы миров; и этот высокий гном, меняющий лицо ради глупой шутки... Сказки, небылицы, кошмары из детских книжек. Но теперь они были реальны, и эта реальность душила её, не давая вдохнуть.

Она резко встала из-за стола, отодвинув стул с неприятным скрипом. Деревянные ножки царапнули пол, и этот звук показался оглушительным в повисшей тишине.

— Хочу выйти на воздух, — тихо, но твёрдо произнесла она, обращаясь скорее к себе, чем к остальным.

Агафья Семёновна, словно ожидая этого порыва, лишь молча кивнула и указала морщинистой рукой на низкую дверь в дальнем углу комнаты.

— Выйди, милая. Душно здесь, — мягко проговорила старушка.

Анна, не оглядываясь, прошла через кухню. Тяжёлая дверь поддавалась с трудом, и в лицо ей ударила волна ночной прохлады. Она вышла на задний двор. Здесь пахло прелой землёй, влажной травой и сладким, ускользящим ароматом яблонь. Над головой раскинулся бескрайний бархатный купол неба, усыпанный мириадами холодных, колючих звёзд. Даже не верилось, что ещё вчера она была обычным подростком с обычными, такими незначительными проблемами: контрольная по алгебре, ссора с подругой...

— Анна... — тихий голос фамильяра вывел её из оцепенения. Он сидел на нижней ступеньке крыльца, сливаясь с тенью.

Она вздрогнула и обернулась.

— Тише... У меня есть для тебя загадка. Она очень простая. Ты отгадаешь её — и сможешь управлять мной. Он говорил грустно, и в его глазах отражалась та же безысходность, что поселилась в душе самой Анны.

— Хватит на сегодня загадок, — устало ответила девочка. Она медленно опустилась на край лестницы рядом с ним, чувствуя, как ноют уставшие ноги. Он тут же придвинулся ближе и начал тихонечко мурлыкать, словно старый кот, ищущий утешения.

— Будешь Гришей, — внезапно сказала Анна.

Фамильяр замер. Он поднял на неё удивлённый взгляд, в котором недоверие сменилось робкой надеждой. В его глазах вспыхнуло восхищение.

— Так мы будем равны? — спросил он почти шёпотом.

В этот момент Анна поняла, что обрела не просто магического помощника. Она обрела нового друга.